

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

по жалобе Ирискулбекова Эркинбека Белековича, представляющего интересы Аблабекова Айдары Акылбековича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 21 октября 2024 года

26 декабря 2024 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осмонбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жумабаева Л.П., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Таалайбекове А.Т., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Ирискулбекова Э.Б., представляющего интересы Аблабекова А.А., на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 21 октября 2024 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Ирискулбекова Э.Б., представляющего интересы Аблабекова А.А., Конституционный суд Кыргызской Республики

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 20 сентября 2024 года поступило ходатайство Ирискулбекова Э.Б., представляющего интересы Аблабекова А.А., с просьбой проверить положения пункта 2 части 1 статьи 154 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее — УПК) на соответствие части 2 статьи 24, части 2 статьи 59 Конституции Кыргызской Республики.

Согласно содержанию ходатайства, следственными органами ГУВД города Бишкек были вынесены постановления о привлечении Аблабекова А.А. в качестве обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пунктом 1 части 4 статьи 209 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (мошенничество), по двум эпизодам, связанным с причинением имущественного ущерба заявителям А.Т. и А.Э.

По версии следствия, оба эпизода объединяет использование обвиняемым устных договоренностей и посредничества третьих лиц для получения имущественной выгоды, что привело к причинению заявителям материального ущерба в особо крупном размере. В первом случае обвинение основывается на устной сделке, по которой А.Т., не являющийся собственником автомобиля марки «Мерседес Бенц», передал его Аблабекову А.А., при этом обязательства по возврату денежных средств, установленные в последующем договором займа, не были выполнены.

Заявитель полагает, что обвинение не связано с фактом завладения чужим имуществом, а касается неисполнения условий устной сделки, при этом собственник автомашины А.К. и его представитель К.К., действующий по доверенности, не заявляли претензий к обвиняемому. Основным доказательством в рамках расследования являются показания А.Т. и его брата Н.Т., которые ссылаются на устную сделку.

Во втором случае обвинение основывается на заявлении А.Э., которая утверждает, что Аблабеков А.А. под предлогом приумножения денежных средств получил деньги через её сына А.К., при этом сама она не была знакома с обвиняемым и сделок с ним не заключала. Основанием для

возбуждения уголовного дела послужили показания потерпевшей и её сына, однако заявитель считает, что фактические обстоятельства передачи денежных средств и причинения ущерба следствием не установлены.

Таким образом, как указано в ходатайстве, обстоятельства обоих уголовных дел указывают на наличие гражданско-правовых отношений между сторонами. В связи с этим, неисполнение или ненадлежащее исполнение условий сделок не должно являться основанием для возбуждения уголовного дела. В ходатайстве также подчеркивается существующая практика незаконного привлечения к уголовной ответственности за неисполнение гражданско-правовых обязательств, особенно по устным сделкам, что нарушает основные принципы правового государства.

Правовой основой для таких действий органов следствия является оспариваемое положение пункта 2 части 1 статьи 154 УПК, которое устанавливает недопустимость возбуждения уголовного дела за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданско-правовых сделок, совершенных исключительно в письменной форме. Это положение, по мнению заявителя, противоречит части 2 статьи 59 Конституции, согласно которой никто не может быть лишен свободы только на основании невозможности исполнения гражданско-правового обязательства.

В поддержку своих доводов заявитель ссылается на Решение Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 7 мая 2014 года, в котором указано, что уголовное преследование не может использоваться как инструмент давления для выполнения гражданско-правовых обязательств в отсутствие признаков преступных намерений.

Кроме того, по мнению заявителя, оспариваемое положение противоречит части 2 статьи 24 Конституции, которая гарантирует равенство всех перед законом и судом. Введение различий между письменными и устными сделками, при этом предоставляя защиту от уголовного преследования лишь по письменным договорам, создает необоснованное

неравенство, ставя участников устных сделок в более уязвимое положение с точки зрения уголовного права.

С учетом изложенного заявитель просит признать нормативное положение пункта 2 части 1 статьи 154 УПК, выраженное словами «в письменной форме», противоречащим Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 21 октября 2024 года в принятии к производству обращения Ирискулбекова Э.Б., представляющего интересы Аблабекова А.А., было отказано.

В отмеченном акте коллегии судей указано, что доводы заявителя о неконституционности оспариваемого положения сводятся исключительно к изложению фактов расследования одного конкретного уголовного дела и не содержат достаточного правового обоснования, соответствующего регулятивной силе оспариваемого нормативного положения Конституции. Иными словами, решение органа следствия по конкретному делу не может рассматриваться как основание для возникновения сомнений в конституционной правомерности соответствующей нормы права. Рассмотрение фактических обстоятельств расследования, на которые ссылается заявитель, выходит за рамки компетенции Конституционного суда, определенной статьей 97 Конституции и статьей 4 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

Не согласившись с определением коллегии судей, Ирискулбеков Э.Б. 13 ноября 2024 года обратился с жалобой в Конституционный суд Кыргызской Республики.

Заявитель утверждает, что определение коллегии судей Конституционного суда об отказе в принятии ходатайства к производству является необоснованным, поскольку, по его мнению, в ходатайстве содержатся правовые аргументы, обосновывающие требование о проверке конституционности оспариваемой нормы. В частности, заявитель указывает,

что оспариваемая норма вводит необоснованные различия между сделками, заключенными в письменной и устной формах, и тем самым нарушает принцип равенства перед законом, гарантированный Конституцией.

Заявитель также отмечает, что данное различие не имеет оправданной правовой цели и не соответствует принципу соразмерности ограничений общественно-значимым целям.

Ирискулбеков Э.Б. настаивает на том, что его ходатайство соответствует требованиям конституционного Закона, поскольку оспариваемая норма касается не только конкретного дела, но и может повлиять на защиту конституционных прав других граждан, создавая риски для их прав в случаях, когда сделка заключена в устной форме.

Согласно заявителю, отказ в принятии ходатайства нарушает его право на доступ к правосудию, гарантированное статьей 97 Конституции, и нарушает принцип равенства перед законом. Заявитель также утверждает, что Конституционный суд обязан рассмотреть не только текст закона, но и его практическое применение, поскольку именно это позволяет оценить соответствие нормы конституционным принципам.

В связи с изложенным, заявитель просит отменить определение коллегии судей от 21 октября 2024 года, принять к производству ходатайство о проверке конституционности нормативного положения пункта 2 части 1 статьи 154 УПК, выраженного словами «в письменной форме», и рассмотреть жалобу по процедуре устного разбирательства с обязательным участием заявителя.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к следующим выводам.

В соответствии с конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики», все заявители при обращении в орган конституционного контроля обязаны соблюдать определенные требования, установленные к форме, содержанию обращения, к субъектному составу и

процедуре подачи обращения (статьи 4, 19–28). Эти требования направлены на обеспечение системности и обоснованности обращений, что является важным элементом в защите прав и свобод человека и гражданина.

Одним из неперенных условий относительно содержания обращения, представляемых физическими лицами, является предоставление позиции заявителя по поставленному им вопросу и его правовое обоснование в системной связи с нормами Конституции, закрепляющими гарантии прав и свобод человека и гражданина. Такое обоснование должно показать, каким образом, по мнению заявителя, действия или применение оспариваемой нормы нарушают конституционные права и свободы граждан.

Коллегия судей, руководствуясь в процессе установления оснований для принятия определения, осуществляет комплексный и всесторонний анализ законодательства, международного права, а также всех представленных материалов. Такой подход направлен на выявление возможных сомнений в конституционности оспариваемых норм, оценку их соответствия Конституции и обоснованности доводов заявителя. В этой связи, мотивируя свой отказ в принятии обращения к производству, коллегия судей вправе привести свои доводы, которые не затрагивают существо самого вопроса.

Заявитель в своем ходатайстве обращается к институту отказа в возбуждении уголовного дела при неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданско-правовых сделок, совершенных в письменной форме, либо рассматриваемых в суде. По мнению заявителя, данное положение нарушает принцип равенства перед законом и судом, предоставляя защиту от уголовного преследования только лицам, участвующим в письменных сделках, тем самым лишая такой защиты тех, кто участвует в устных сделках. Кроме того, оно нарушает положение о недопустимости лишения свободы исключительно из-за невозможности выполнения гражданско-правового обязательства (часть 2 статьи 24, часть 2 статьи 59 Конституции).

Конституционный суд отмечает, что пункт 2 части 1 статьи 154 УПК направлен на разграничение гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности и обеспечивает гарантии в правовом государстве, позволяющей избежать ситуации, когда человек может быть лишен свободы из-за неисполнения гражданских обязательств. Гражданско-правовые споры, возникающие из неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, по своей природе не связаны с общественной опасностью и должны решаться в рамках гражданского судопроизводства.

Под гражданско-правовым обязательством в соответствии с Гражданским кодексом понимается обязательство, возникающее из оснований, предусмотренных законодательством, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены им, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности (статья 7).

Среди таких оснований выступают сделки, совершаемые как в письменной, так и в устной форме. Обе категории сделок имеют общие правовые последствия, связанные с возникновением обязательств и возможностью их исполнения или оспаривания в суде. Однако различия в форме сделки, доказательной силе и правовых последствиях обусловлены особенностями каждой из этих форм.

Письменные сделки обеспечивают большую правовую определенность, доказательную силу и меньшее количество рисков для сторон, чем устные сделки, которые могут быть сложнее для доказательства и исполнения в случае возникновения споров. Что касается устных сделок, то Гражданский кодекс не исключает их заключение во всех случаях, когда законом или соглашением сторон не требуется письменная (простая или нотариальная) форма. Вместе с тем данный Кодекс ограничивает совершение сделок в устной форме по признаку субъектного состава и суммы, составляющей ее предмет, который не должен превышать размер расчетного показателя более чем в десять раз (статья 177 Гражданского кодекса).

Таким образом, законодатель, вводя различия между письменными и устными сделками, преследовал цель упорядочения правовых норм и обеспечения должной доказательности гражданско-правовых договоренностей в случае возникновения споров, исходя, во-первых, из значительности суммы сделки и, во-вторых, преследуя цель упрощения порядка совершения несущественных сделок. Учитывая это, такой подход законодателя к защите граждан от уголовного преследования за гражданско-правовые обязательства не является сомнительным.

Совершенно другое дело, когда гражданско-правовая сделка может использоваться для прикрытия преступной деятельности или для достижения преступных целей, в том числе путем заключения мнимой сделки в форме, не отвечающей требованиям гражданского законодательства, и без намерения создать юридические последствия.

Конституционный суд также считает, что существующий правовой институт досудебного производства в достаточной мере способен оценить имело ли место в действительности определенное событие, возникло ли оно в результате противоправных действий или же объективных жизненных обстоятельств, присутствуют ли при этом признаки гражданско-правового правонарушения или уголовного преступления.

Таким образом, доводы заявителя о наличии в следственной практике тенденции неправомерного привлечения к уголовной ответственности лиц за неисполнение гражданско-правовых обязательств, возникших из устных сделок, не могут расцениваться как правовые доводы, подтверждающие существование неопределенности относительно соответствия оспариваемого нормативного положения указанным в требованиях заявителя нормам Конституции. Такой же вывод коллегии судей, отмеченный в обжалуемом определении, является правомерным, в связи с чем Конституционный суд не находит оснований для его отмены.

В отношении просьбы заявителя о рассмотрении жалобы по процедуре устного разбирательства с обязательным участием заявителя,

Конституционный суд отмечает, что на стадии рассмотрения вопроса о допустимости обращения в конституционном судопроизводстве, включая оценку выводов коллегии судей на стадии обжалования его акта, субъекты обращения не приобретают статус участников судопроизводства и их просьбы, требования об участии на заседании Конституционного суда не могут быть приняты им во внимание. Исходя из существа, поставленных вопросов в обращении и в жалобе заявителя, Конституционный суд не усмотрел необходимости проведения заседания по процедуре устного судебного разбирательства.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Жалобу Ирискулбекова Эркинбека Белековича, представляющего интересы Аблабекова Айдара Акылбековича, на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 21 октября 2024 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

№ _____